Сошел с ума правитель, и в империи развал,
А кто ему помог сойти, не знаю.
Он как-то очень вовремя неадекватным стал,
Но я военный, я не понимаю.

Алькор. Имперский эндшпиль

Автомобиль скрипнул тормозами. Сергей поморщился — вот какая бы ни была породистая техника, но, поработав на отечественных дорогах с их грязью летом и холодом зимой, рано или поздно она начинает скрипеть. Причем скорее рано, чем поздно — такой закон природы.

А у них там, в Европах, не скрипят. И это притом, что грязи порой не меньше, а то и больше, чем в России. Да и дороги иной раз еще более ухабистые. С другой стороны, морозов там все же меньше, а сервис, чего уж там, лучше. В том плане, что мастера примерно такие же рукастые, как и дома, а вот запчасти все же родные, а не китайские. Впрочем, его «фолькс» заскрипел еще до ремонтов — пробег, как ни крути, смешной.

Зло бурча себе под нос, Сергей направился к хорошо знакомому подъезду. Сидящие на скамеечке вездесущие старушки проводили его взглядами, и одна, приняв, наверное, его длинный светлый плащ за халат врача, громко спросила:

— Вы к больной?

— А что?

— Дык Светка уже заждалась, у нее с утра спину защемило. Или вы не к ней?

— Бабульки, много будете знать — к вам приеду.

— А вы от чего лечите? — поинтересовалась одна, самая благообразная на вид.

Сергей усмехнулся:

— Патологоанатом я.

Любопытных старушек как ветром сдуло. Поглядев им вслед, Сергей мысленно усмехнулся — и не соврал даже вроде бы. Разделывать кое-кого ему уж точно приходилось качественно. Гранатой под ноги, к примеру. И, кстати, весь его опыт говорил о том, что внутренний мир человека не так уж и красив.

Возле самого подъезда неловко притулилась машина неопределенной марки. Судя по потекам ржавчины, китайская. Даже «уазики» так не гниют. Все же район не из богатых. Тихий — да. Спокойный. Вот только миллионеры здесь обычно не живут.

Правил без исключения не бывает. За ничем не примечательной дверью, в самой обычной квартире, Сергея ждали сразу трое людей, состояние которых, сколь он знал, переваливало за десяток-полтора миллионов на брата. Это если молчать об активах структуры, в которой они играли важные роли. Иной вопрос, что Сергей ныне и сам мог похвастаться более чем приличным состоянием.

А еще он был начинающим политиком. Вполне пристойным, к слову — заседал в госсовете их республики. На следующих выборах планировал стать в этой республике первым лицом. Кстати, глава даже не подозревает об этом. Учитывая, какие деньги уже вложены, победить вполне реально. Конечно, и шею свернуть можно, но тому, кто смотрел на врагов че-

рез прицел и ходил в атаку против вражеских танков, грешно бояться[1].

Хозяин открыл дверь сам. Александр Колобанов, депутат, бизнесмен, меценат... Словом, многостаночник. Эта квартира принадлежала ему давно, еще с тех времен, когда он был обычным бизнесменом, и задолго до того, как он стал разведчиком параллельных миров. Как уж он вошел в это дело, он не распространялся, но, как полагал Сергей, тут не обошлось без родни. Во всяком случае, второй Колобанов сидел тут же, за столом.

Да, моложавый седой джентльмен, этакий светский лев местечкового разлива. Он как раз стоял у истоков их своеобразной конторы и действительно приходился их бизнесмену каким-то дальним родственником — это не скрывалось. Третьего участника тайной вечери Сергей тоже знал, причем еще со времен студенческих. Тогда он был деканом, сейчас — ректор. И тоже, по совместительству, эксперт по прогулкам во враждебном окружении. С Колобановым они там вдвоем когда-то ходили, да и теперь время от времени гуляют, со стволами наперевес.

— Привет, что-то долго ты, — хмыкнул Колобанов, пропуская гостя и запирая дверь.

Сергей лишь вздохнул:

— Пробки. Я с тоской вспоминаю времена, когда автомобилей было меньше, чем пешеходов.

— Угу. В те времена ты и сам был пешеходом. Выехать пораньше никак?

— Да я и выехал. И до кучи пропорол колесо.

— Где?

[1] См. роман «Т-34».

— На углу Кирова и Севастопольской.

— А, знакомое место. Там, я статистику поднимал, проколов раз в десять больше, чем в любом другом месте. Прямо загадка природы.

— Не верю я в нерешаемые загадки.

— А там и решать нечего. В ста метрах работает модный шиномонтаж и делает себе кассу, рассыпая на дороге всякую дрянь.

— Да я его...

— Не дергайся. Это в сорок первом ты мог прикопать под кустиком хоть генерала, и никто бы этого не заметил, а здесь и сейчас... Ладно, заходи. Чай нальешь сам, водку не предлагаю — все за рулем.

Сергей кивнул. Действительно, могли. Да и прикапывали. Золотое было времечко! Вздохнув, он прошел в комнату, поздоровался с остальными, после чего налил чаю и сел, наслаждаясь тишиной. После своих эскапад он научился ценить такие минуты. Впрочем, была и другая причина.

Здесь же и впрямь было очень спокойно. Маленькие квартирки, построенные в полулегендарные советские времена, с небольшими комнатами и совсем крохотными, неудобными кухнями, имели не так уж много преимуществ, но вот уют в них можно было создать легко. Сколь знал Сергей, по этой причине Колобанов и не стал избавляться от старого жилья, оставив его в качестве места, где можно спокойно и не привлекая внимания посидеть с приятными тебе людьми. Ну и поговорить по душам — иногда это удобнее именно в такой атмосфере, чем в сухом и насквозь официальном кабинете родного офиса.

Некоторое время они сидели молча, потребляя чай под простейшие бутерброды с неровно наре-

занной колбасой. Как в старые времена... Это был практически ритуал, сложившийся еще до того, как Сергей влился в их тесный коллектив. Еле слышно гудел в углу телевизор — старомодный, еще с внушительных размеров кинескопом. Вроде бы по всем статьям уступающий современным, но зато дающий какой-то теплый, ламповый эффект. На экране... Сергей присмотрелся. Да ну!

— Что, не верится? — ректор перехватил его взгляд, цинично усмехнулся. — По центральным каналам не покажут, не переживай. А кабельным сетям закон не писан.

— Я думал, это давно умерло.

— Ага, жди, умрет оно. Не бери в голову, мы в этой вакханалии не участвуем. Вроде бы.

На экране какой-то полуголый хмырь тряс волосами и телесами. Конкурс Евровидение во всей красе. М-дя... Сергей хорошо помнил, как туда послали деревенскую самодеятельность — и бабули с легкостью взяли второе место. Так что уровень зверски распиаренного конкурса — деревенская самодеятельность, такая же, как в России, только с гомосеками. И ведь смотрят!

Вновь повисло недолгое молчание. А потом, безо всякого перехода, Колобанов-старший заговорил:

— Лейтенант Хромов!

Сергей резко встал. Еще с первого своего приключения он изменил представление о дисциплине, в особенности после того, как самовольно присвоенное тогда звание вдруг оказалось вполне официально утверждено. Имела их контора связи, чего уж там.

— Так точно.

— Сядь, не мельтеши. Итак, твоя записка рассмотрена на самом верху.

— То есть вами, — не удержался от комментария Сергей.

— То есть мной. И не только мной. В общем-то, идея довольно интересная. Но вот стоить будет... — неофициальный старейшина их закрытого мелкоэлитарного клуба деланно закатил глаза. — А ведь недавняя операция закончилась провалом.

Сергей поморщился:

— Это было предсказуемо. И потом, главную-то часть работы выполнили!

Все дружно рассмеялись. Действительно, главную часть работы выполнили, хотя никто об этом вслух не говорил. А то, что было озвучено как основное... Исполнитель до сих пор не догадывается, что основная задача была лишь частью операции прикрытия. Ну и так, проба — вдруг получится?

Да... Идея, конечно, выглядела красиво. Отправить своего эмиссара с группой поддержки в Карибское море и попытаться удержать на плаву Испанию в тот момент, когда она еще была великой империей[1]. Неудачно, естественно — уровень централизации державы оказался банально недостаточным для того, чтобы локальные успехи добровольных помощников решили хоть что-нибудь.

А ведь хватало их, успехов-то! Парнишку туда отправили бойкого, он себя неплохо показал в предыдущей операции. Приземленный был немного, правда, однако это компенсировалось женой, размах мышления которой иной раз и у собравшихся здесь вызывал

[1] См. роман «Конкистадор поневоле».

оторопь. Ну, внучка Ивана Грозного, и этим все сказано. Жаль только, все равно не получилось, и группа вернулась ни с чем. Прихватили с той стороны коечто, не с пустыми же руками возвращаться, и только.

— Ну да, согласен, — их высокоученый муж, ныне, после смерти своего наставника, собственно, и создавшего первую аппаратуру межпространственного перехода, возглавивший научное направление Конторы, покрутил в пальцах чайную ложечку. Та в них, правда, тянула разве что на зубочистку — роста он был воистину богатырского, а бицепсам позавидовать мог любой Шварценеггер. — Три «золотых» галеона — это не та мелочь, что мы вначале тырили.

— Паш, не принижай наши заслуги, — Колобанов-младший кинул в рот мармеладку, с видимым наслаждением разжевал. — Нам бы их возможности тогда — мы б с тобой Берлин взяли. А галеоны... Знаешь, при наших масштабах это не так и много на самом деле.

Все собравшиеся переглянулись и дружно вздохнули. Как ни крути, а когда масштабы деятельности перешли определенную границу, расходы начали расти лавинообразно. Единственное, что всерьез радовало, добыча тоже частенько оказывалась велика. Один хороший успех перевешивал несколько провалов и в плане научных результатов, и финансово. И неизвестно еще, что важнее.

А еще уходило время. Государственные конторы — они под прикрытием властей, но притом и уязвимее. Никто из собравшихся не питал иллюзий — как пела знаменитая рок-группа, вельмож, к несчастью, честных нет. И как в девяностые народные избранники за копейки продавали страну,

все они тоже помнили. Конечно, не стоит утрировать, и честные бывают, но... Их ведь еще найти както надо, кристально честных. А то решат, что не доллар — так юань, и продадут с потрохами. Да вдобавок так, что закон будет на их стороне. И не побрыкаешься. Не все ли равно, приехал ты в офис на «феррари» или «мазератти», если там уже стоит «газель» Следственного комитета? Так что работала их хитрая Контора без огласки, на свой страх и риск. Рано или поздно она привлечет внимание, и это плохо кончится.

Э-эх! Стоило, наверное, подумать об альтернативной базе где-нибудь в малоразвитом мире. В средневековье многое было проще и понятнее. К примеру, сидишь ты на свежем воздухе, никого не трогаешь, а рядом на костре приятно потрескивают твои недоброжелатели. Но там нет промышленной базы, да и народ расслабится быстро. Конечно, резервные варианты прорабатывались, но сколь они были реализуемы, Сергей не знал.

— В общем, — прервал затянувшуюся паузу Колобанов-старший, — принципиальное решение принято, твой план одобрен. Очень неплохо проработан, кстати. Жена помогала?

— По финансовым вопросам — да, она ж у меня экономист... По стратегии Мартынов расстарался. А по остальным — своих людей загрузил. Поразительно, насколько лучше нынешних они воспринимают знания и умеют их использовать.

— Ты и сам нынешний, — вздохнул ректор. — Всей и разницы, что от клипового мышления тебя вовремя оторвать удалось. Ну и стимул у них... хороший. Но, конечно, не без огрехов. Мы там накидали тебе кое-каких мыслей, потом внимательно посмо-

тришь. И – начинай работать. Группу своего... конкистадора тоже привлекай.

— Не сразу. У него сейчас пополнение семейства намечается. УЗИ тройню показало, так что он в трансе, а жена в восторге.

— Да уж, — хмыкнул Колобанов-младший. — Они большие семьи любят.

Сергей промолчал. У них жены тоже были из других эпох. Единственно, у их конкистадора жена была, можно сказать, из махрового смутного времени, а у Колобанова и Хромова — из сороковых годов двадцатого века. Что характерно, даже намека на домострой, который так любят вспоминать некоторые историки, у женщин не наблюдалось. Скорее, наоборот, и это притом, что все трое из разных слоев общества. Дворянка, крестьянка, незаконнорожденная царевна... Или это местные условия на них так плохо влияют? А вот семьи иначе как многодетными они не воспринимали. У Сергея было уже двое и ожидался третий, у Колобанова пятеро. Весело, короче.

— Ладно, с семейными делами потом, — вмешался Колобанов-старший. — Работаем.

— А можно завтра?

— Можно...

1903 год, сентябрь. Балтийское море

«Штандарт», яхта императора Всероссийского и прочая-прочая-прочая, был кораблем не только новым[1] и красивым, но и большим. Размерами лич-

[1] Спущен на воду в 1895 году в Копенгагене и прослужил до 1960 года.

ная плавучая резиденция Николая Второго превосходила многие крейсера, да и скоростью тоже. И неудивительно, что это был его любимый корабль.

Балтика в начале осени, когда еще не начались шторма, очень красива. Жаль только, ненадолго это. И неудивительно, что император воспользовался моментом, отправившись на последнюю, наверное, в этом году морскую прогулку. С женой и дочками, как обычно.

Настроение было великолепное. Правитель великой державы, уже несколько десятилетий живущей спокойно. Единственная война, да и та с китайцами[1], где русские солдаты продемонстрировали всему миру, сколь они сильны. Китайскую столицу взяли походя... Могучая армия и флот, по мощи где-то третий, а где-то уже и второй. Уже само понимание этого — чем не повод для благодушия? А уж после дня на свежем воздухе, наслаждаясь видами залитого солнцем, гладкого, как стол, моря, с семьей — и подавно. Так что несколько бокалов «Ливадии»[2] в конце дня — и можно спокойно расслабиться, сидя на огромном диване с книгой в руках.

Ни на что не похожий звук вырвал императора из мягко накатывающейся дремы. Очень плавно и в то же время настойчиво он вплелся в уже став-

[1] Участие в подавлении Ихэтуаньского восстания (у нас более известно как восстание боксеров). В 1900 году после нападения повстанцев на территорию России была проведена операция по его подавлению, включавшая взятие Пекина. Учитывая разницу в уровне подготовки и вооружения, а также отсутствие у китайской армии того времени хоть каких-то серьезных достоинств, результат был предсказуем.

[2] Любимое вино Николая Второго.

шее неощутимым для уха пыхтение машины и начал быстро нарастать, затем ослаб, а потом начал как будто вертеться, то ослабевая, то вновь усиливаясь. Возможно, он бы и не выдернул императора в реальность, но в дверь осторожно постучали.

— Ваше императорское величество...

Голос капитана звучал взволнованно, что для его обладателя было совсем не характерно. Николай был человеком для императора весьма деликатным, однако это не значило, что он дурак, каким его любила впоследствии изображать советская пропаганда. Уловив эти нотки волнения, он проснулся моментально.

— Что случилось?

Через две минуты, одетый, будто для парада и без единого намека на сон во взгляде, император уже стоял на мостике и наблюдал за медленно перемещающимся по успевшему потемнеть небу светящимся пятном. Оттуда же доносился тот надрывный гул, который он уже слышал.

— Что это?

— Не могу знать, — несмотря на всю необычность момента, вахтенный офицер ни на миг не забывал, кто перед ним. — Вертится по небу вокруг нас — и все.

— Что полагаете делать?

Ответ прозвучать не успел чисто физически. Гул начал стремительно нарастать, а светящееся пятно вдруг быстро, словно бы рывком, приблизилось. Еще несколько секунд — и оно зависло над палубой корабля, после чего начало опускаться. Свистящий рокот усилился... А потом с неба ударил яркий свет.

Ощущения были такие, словно кто-то в небе включил прожектор, небольшой, но очень мощный.

На палубе стало вдруг светло, как днем. Могучий поток света освещал корабль и одновременно не давал рассмотреть, что происходит там, наверху. С мостика видна была лишь похожая на кита тень и стремительно вращающиеся огни над ней.

Пока все глазели в небо, на палубу сверху упал канат, а спустя какие-то секунды по нему съехал человек. Мгновение — и он уже стоит, дает отмашку... Непонятная машина — а ясно, что это именно машина — уходит вверх. Звук почти мгновенно слабеет и уходит куда-то прочь. На палубе вновь воцаряется разрываемый лишь фонарями полумрак, кажущийся после безжалостного света прожектора еще более плотным. И, словно раздвигая его плечами, к мостику двинулся человек. Тот, что спустился с неба.

На него смотрели — а он шел, вроде бы и неспешно, однако Николай глазом моргнуть не успел, как он уже поднимался на мостик. И никто даже не пытался его остановить. Лишь сейчас император понял, что его, собственно, и некому защищать — на яхте он с семьей, охрана в полном составе осталась на берегу. Команда же — обычные моряки, их никто не учил, как надо вести себя в таких ситуациях. Да и револьверов у присутствующих нет — их просто никто не взял. И лишь когда незваный гость оказался на мостике, какой-то офицер рванул из ножен кортик.

— Стоять!

— Ну-ну, зачем нервничать-то? — человек и впрямь остановился. Поднял руки, демонстрируя, что в них, кроме большого, непривычной формы, портфеля, больше напоминающего плоский ящик,

ничего нет. — Хотел бы я вас убить — загнали бы пару ракет в борт этой шаланде прямо с воздуха.

Он был спокоен, как удав. Стоял и не шевелился, позволяя хорошенько его рассмотреть. Высокий, крепкий, одетый в странного покроя и расцветки одежду. Пятнистая, мешковатая... Такой Николай раньше никогда не видел.

— Вы кто?

Ну, это уже капитан ожил. Гость пожал плечами:

— Вам мое имя все равно ничего не скажет. Я руки сейчас опущу, а то неудобно.

— Держать...

Тот героический офицер с кортиком то ли демонстрировал решительность, то ли хотел показать себя в лучшем свете перед лицом императора. Гость усмехнулся и опустил руки:

— Отвали, салага. Николай Александрович, может, пройдем в салон? Не хотелось бы разговаривать на виду у всей команды. Можете взять с собой кого угодно, но я б лично рекомендовал ограничиться вашей супругой. Разговор у нас выйдет приватный.

Он говорил так, словно был хозяином здесь. Не император — а он! Николай прищурился. Стоит ему отдать приказ — и на гостя навалятся со всех сторон. Но ведь та странная летающая машина... Не в том даже вопрос, что она может вернуться. Куда важнее, кто ее создал и кто стоит за этим... посланником? Да, скорее всего.

— Что же, пройдемте.

Гость кивнул и спокойно пошел следом за Николаем. Без какого-либо смущения прошел в салон и без приглашения сел на тот самый диван, где совсем недавно с удобством располагался император.

Безразлично проследил глазами за тем, как слуги шустро сервируют стол — это у них на уровне рефлекса. Вздохнул:

— Неплохо тут у вас. Уютненько. Дальше будет хуже. Взгляните.

Откуда он извлек бумаги, Николай не понял. Однако же, когда расторопный офицер передал их, настала пора удивляться по-настоящему. Это были фотографии, только сделанные не на привычных ему пластинах, а на бумаге. И на них...

Это было то самое место, его салон. Только... другой. Утилитарный. Без удобной и громоздкой мебели, выкрашенный совсем в другой цвет. И стол, не этот, совсем другой... За столом расположился человек, безусловно, в военно-морской, но совершенно незнакомого покроя форме. Несколько секунд Николай смотрел на фото, потом непонимающе поднял глаза на гостя:

— И что это такое?

— Яхта «Штандарт». Бывшая яхта, бывший «Штандарт». Через сорок пять лет. Минный заградитель «Ока».

— Не понял...

— И неудивительно.

Гость усмехнулся, и его глаза... Николаю вдруг показалось, что перед ним что-то инфернальное. Не бывает такого блеска у обычного человека.

— Контактные линзы.

— Что? — император вздрогнул от неожиданности.

— Контактные линзы. Аналог очков, надевается прямо на глаза. У меня небольшая близорукость, следствие контузии. Вот и ношу.